

Великій Князь Николай Михайловичъ.

Императоръ Александръ I.

Опытъ историческаго изслѣдованія ¹⁾).

I.

„Годы колебаній“ 1801—1807 г.г.

Водъ этимъ заглавіемъ, рядъ высоко интересныхъ трудовъ великаго князя Николая Михайловича, столь цѣнныхъ для историка эпохи Императора Александра I, обогатился новымъ прекраснымъ и роскошно исполненнымъ изданіемъ, въ которомъ августѣйшій авторъ на основаніи обширнаго рукописнаго матеріала, собраннаго имъ въ Собственной Его Величества библиотекѣ и государственномъ архивѣ, а равно и въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства, задался цѣлью выяснитъ характеръ и дѣятельность Императора Александра Павловича не только какъ государя и правителя, но главнымъ образомъ какъ человѣка, какъ „простого смертнаго“.

Не касаясь дѣтскихъ лѣтъ и воспитанія Александра Павловича, только отмѣтивъ то преобладающее вліяніе, какое имѣли на ребенка Александра его великая бабка, Екатерина II, и его воспитатель Лагарпъ, авторъ останавливается на моментѣ вступленія юнаго Императора на престоль, старается выяснитъ его душевное состояніе, послѣ роковаго событія 11-го марта, и приходитъ къ заключенію,

¹⁾ Великій Князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Томъ I. Текстъ и приложения, съ 19 таблицами портретовъ и рисунковъ. Стр. I—XI+580. Томъ II. Приложения. стр. IV+745. Спб. 1912.

что всѣ дѣйствія Александра Павловича въ эти роковые и навсегда памятные для него дни объясняются нѣкоторымъ легкомысліемъ, беспечностью и недостаткомъ вдумчивости. Отъ природы „умный и даровитый, но лѣнивый и беспечный; онъ быстро схватывалъ всякую мысль, но скоро забывалъ, не умѣлъ сосредоточиться, мало читалъ, предпочитая другія развлеченія, и особенно интересовался военными упражненіями“.

Съ тѣмъ же легкомысліемъ, съ какимъ онъ отнесся въ свое время къ извѣстному намѣренію Екатерины II лишить наслѣдства на престолъ своего сына, отдавъ его любимому внуку, Александръ не придавалъ серьезнаго значенія и всеобщему недовольству и ропоту, охватившему всѣхъ въ послѣдніе годы царствованія Павла. „Ему было хорошо извѣстно, какъ многіе критиковали дѣятельность Государя, какъ боялись Павла одни, и какъ ненавидѣли его другіе, что недовольство и ропотъ слышались не только въ столицѣ, но и внѣ Петербурга, что такого рода отношеніе къ его отцу не предвѣщало ничего отраднаго, и что все это могло довести до печальной развязки. Между тѣмъ, Александръ, слыша о ропотѣ и недовольствѣ, продолжалъ усердно и беспечно свои любимыя военныя занятія и ничѣмъ не выражалъ своихъ истинныхъ чувствъ, покоряясь судьбѣ и не дѣлая никакихъ попытокъ сблизиться съ батюшкой, чтобы раскрыть ему глаза или уберечь его отъ готовящейся грозы“.

„Графъ Паленъ, которому было поручено наблюденіе за столицей, не скрывалъ отъ Александра Павловича, что положеніе изо дня въ день дѣлалось болѣе серьезнымъ и тревожнымъ, что необходимъ былъ какой-либо выходъ, что ему, Александру, грозила постоянная опасность быть заключеннымъ, словомъ—дѣйствовалъ на воображеніе юноши умѣло и искусно. Александръ, самъ отлично зная, что гроза неминуема, ни на что опредѣленное не рѣшался, опасаясь неожиданныхъ послѣдствій, но въ концѣ концовъ далъ Палену *carte blanche* дѣйствовать по его усмотрѣнію“.

„Очевидно, онъ сознавалъ вполне всю серьезность переживаемого момента, но благодаря свойственной ему беспечности, и не задумываясь глубоко о возможныхъ послѣдствіяхъ, Александръ, давъ согласіе, пребывалъ въ состояніи полудремоты до окончанія заговора“.

„Это нравственное состояніе двадцатитрехлѣтняго юноши мало понятно для насъ, пишущихъ эти строки, говоритъ августѣйшій авторъ изслѣдованія, но описываемая полудремота въ тѣ дни глубокой драмы стоила Александру, съ годами, ряда невыносимыхъ мученій совѣсти. Совѣсть заговорила скоро, уже съ первыхъ дней вступленія на престолъ и не умолкла до гроба“.

Вѣдь трудно допустить слѣдующее предположеніе, а именно, что Александръ, давъ согласіе дѣйствовать, могъ сомнѣваться, что жизни отца грозитъ опасность. Характеръ батюшки былъ прекрасно извѣстенъ сыну, и вѣроятіе на подписаніе отреченія безъ бурной сцены врядъ ли допустимо. И это заключеніе должно было постоянно приходиться на умъ въ будущемъ, тревожить совѣсть Александра, столь чуткаго по природѣ и испортить всю послѣдующую его жизнь на землѣ. Оно такъ и было въ дѣйствительности, что подтвердили всѣ современники Благословеннаго монарха“.

Какъ непонятна психологія Александра въ роковые мартовскіе дни, также точно необъяснимо и полно противорѣчій его отношеніе къ участникамъ заговора, изъ коихъ одни (графы Панинъ и Палевъ) были навсегда удалены изъ Петербурга, тогда какъ другіе (Аргамаковъ, Маринъ) и не думали оставлять службы, а Беннигсенъ, „роль котораго при вступленіи на престолъ забыть было бы трудно“, занималъ впослѣдствіи выдающееся положеніе.

Не легко жилось Александру Павловичу въ первые годы по воцареніи. Эти первыя шесть лѣтъ царствованія (1801—1807 г.г.), охарактеризованныя авторомъ, какъ „годы колебаній“, были таковыми для юнаго Императора не только въ области внутренней но и внѣшней политики.

Стараясь заглушить душевную тревогу, Александръ искалъ нравственнаго успокоенія въ проведеніи новыхъ реформъ, съ каковою цѣлью имъ былъ учрежденъ такъ называемый негласный комитетъ.

„Три года продолжалось это увлеченіе, и временами казалось, что Александръ, дѣйствительно, увлекался въ той же мѣрѣ, какъ и его сотрудники,—князь Чарторыйскій, гр. Кочубей, гр. Строгановъ и Новосильцовъ. Говоримъ „казалось“ потому, что молодой Императоръ, интересуясь всѣми мелочами проектовъ, внесенныхъ на обсужденіе комитета, одновременно съ этими занятіями, находилъ время, прогуливаясь, съ генераль-адъютантами, слушать ихъ возраженія и внимательно прислушиваться къ отголоскамъ общественнаго мнѣнія, къ мнѣнію партіи именитыхъ дворянъ, не одобрявшихъ его реформаторской горячки“; продолжая руководить засѣданіями комитета, онъ „ни на минуту не подавалъ вида, что въ глубинѣ души его симпатія довольно скоро ослабѣвали къ принятому дѣлу“.

Тутъ надобно отмѣтить, что августѣйшій авторъ изслѣдованія не присоединяется къ общему распространенному мнѣнію, что

стимуломъ къ кипучей и разнообразной дѣятельности, которую Александръ Павловичъ проявилъ въ первые годы царствованія, было присущее ему стремленіе къ широкимъ реформамъ; по его мнѣнію, эта усиленная дѣятельность была для Александра только средствомъ заглушить тревогу, которой была объята его душа, желаніемъ уйти съ головой въ работу для того, чтобы забыться, а отнюдь не потребностью удовлетворить своимъ новаторскимъ стремленіямъ. Это выражено ясно и опредѣленно.

„Говорятъ и повторяютъ, пишетъ авторъ, что всѣ преобразованія, надъ которыми такъ много потрудились въ первые годы XIX столѣтія, исходили отъ Александра I. Согласно съ этимъ, укоряютъ и клянутъ перемѣну, будто бы происшедшую позже во взглядахъ и намѣреніяхъ старшаго внука Екатерины II. Это не столько недоумѣніе, какъ большая ошибка. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ *не исходила отъ него лично*, что всѣ онѣ были *не безъ труда* внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, а въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ“.

„Замѣчательно, что молодой Государь, заставляя работать всѣхъ его окружающихъ, отлично разбирался между разными личностями и умѣлъ въ-время выдвигать того или другого дѣятеля, оставаясь лично какъ бы въ сторонѣ. Этотъ даръ Александра Павловича оказался уже съ первыхъ годовъ вступленія его на престолъ. Кипучая дѣятельность въ области внутренней политики отвлекала Государя отъ всего того, что могло тревожить его душу, и можно только дивиться, какъ разумно онъ сумѣлъ создать себѣ увлекавшую его работу, чтобы не предаваться горечи пережитого при восшествіи на престолъ“.

Въ изслѣдованіи отмѣчается еще одна основная черта характера Александра Павловича, которая сказала въ первые же годы его царствованія, и на которую особенно обращаетъ вниманіе авторъ: это его умѣнье блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителемъ этой идеи, но всю тяжесть работы переносить на другихъ, внимательно прислушиваясь къ общественному мнѣнію, но ни на минуту не подавая даже вида, что въ глубинѣ души его симпатіи уже ослабѣваютъ къ предпринятому дѣлу. „Александръ навсегда избралъ главнымъ оружіемъ въ

жизненной борбѣ виртуозную способность строить свои успѣхи на чужой довѣрчивости, онъ возбуждалъ къ себѣ эту довѣрчивость той видимой готовностью къ уступкамъ, той видимой склонностью признавать чужое превосходство надъ собою и легко очаровываться чужими достоинствами, которыя были принимаемы за чистую монету столь многими современниками и позднѣйшими историками. Баронъ М. А. Корфъ, имѣвшій возможность черпать свѣдѣнія объ Александрѣ изъ рассказовъ людей, превосходно его знавшихъ, пишетъ объ этомъ Императорѣ: „Подобно Екатеринѣ, Александръ въ высшей степени умѣлъ покорять себѣ умы и проникать въ души другихъ, утаивая собственные ощущенія и помыслы“.

Подобно тому какъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ по дѣламъ внутренняго управленія въ первые годы царствованія замѣчалась необдуманность и торопливость, такъ и во внѣшней политикѣ у слишкомъ юнаго и неопытнаго Императора не могло быть ясно и опредѣленно выработаннаго взгляда на то, какъ „ему слѣдовало вести дѣла сношеній съ иностранными государствами. Едва-ли и на этой почвѣ до Тильзита, у Александра былъ какой-либо опредѣленный планъ, а все дѣлалось ощупью, подъ минутными впечатлѣніями и безъ всякой системы“.

На первыхъ порахъ Александръ лично не выражалъ предпочтенія какой-либо державѣ и „первоначально было рѣшено, сохраняя достоинство Россіи, не вмѣшиваться въ чужеземныя дѣла и держать себя самостоятельно“.

„Миръ и благоденствіе“ страны—вотъ въ чемъ были въ то время всѣ помыслы Императора.

Когда Бонапартъ сдѣлался во Франціи пожизненнымъ консуломъ, и отношенія между этой державой и Англійей окончательно испортились, то, „первый корсулъ предложилъ Императору Александру роль посредника въ своихъ неладахъ съ Англійей. Русскій Государь, хотя былъ скорѣе польщенъ такимъ лестнымъ для него предложеніемъ, но отклонилъ его“, сдѣлавъ со своей стороны для улаженія конфликта такія предложенія, которыя были отвергнуты и Франціей, и Великобританіей.

„Между тѣмъ дѣла все осложнялись, и все предвѣщало образованіе коалиціи противъ пожизненнаго перваго консула. Такая коалиція вскорѣ и составила изъ трехъ державъ—Россіи, Англійи и Австріи, при чемъ душой этой коалиціи были Императоръ Францъ и австрійскій кабинетъ. Недоставало только прусскаго королевства“.

„Но Фридрихъ-Вильгельмъ уже тогда началъ свою двойную игру, угождая одновременно Бонапарту и Александру и не обнаруживая

открыто своихъ симпатій въ ту или другую сторону. Въ составѣ русскаго кабинета онъ имѣлъ заклятаго врага пруссаковъ: князя Адама Чарторыжскаго, ничего не жалѣвшаго, чтобы возстановлять Государя противъ Пруссіи“.

Но Александръ мало поддавался такого рода вліянію князя Чарторыжскаго.

Въ началѣ 1804 г. отношенія къ первому консулу неожиданно обострились, послѣ того, какъ Александръ Павловичъ, глубоко возмущенный трагической кончиной герцога Ангіенскаго, поручилъ нашему посланнику въ Парижѣ Убри передать по этому поводу негодование Императора французскому кабинету, и когда одновременно было предписано французскому представителю, генералу Эдувиль (Hédouville) покинуть Петербургъ. „Бонапартъ, въ свою очередь, возмутился нѣкоторыми выраженіями ноты—и приказалъ Талейрану отвѣтить въ томъ же тонѣ, но пересолил“. Въ этомъ отвѣтѣ было написано, что, когда въ С.-Петербургѣ былъ осуществленъ заговоръ противъ Императора Павла, по проискамъ Англіи, то „никто изъ заговорщиковъ не былъ наказанъ. Этотъ намекъ Наполеона никогда не былъ ему прощенъ, несмотря на всѣ лобзанія въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ“.

„Послѣ происшедшихъ инцидентовъ борьба была неминуема. Но цѣлый годъ еще тянулись переговоры между коалиціонными державами, терялось дорогое время, а Наполеонъ принималъ смѣлыя рѣшенія и дѣйствовалъ. Кто же въ Россіи былъ руководителемъ внѣшней политики въ это сложное время?

„Правой рукой Государя сталъ его пріятель, полякъ, князь Чарторыжскій.

„Лично князь Адамъ былъ благороденъ, безкорыстенъ и честнѣйшихъ правилъ, но, по его неоднократному заявленію, онъ оставался патриотомъ, т. е. мыслилъ и дѣйствовалъ, какъ заядлый полякъ. И этотъ человекъ былъ избранъ Александромъ въ ближайшіе сотрудники! Вотъ что записалъ князь Адамъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Принявъ это назначеніе, я рѣшилъ не дѣлать ничего, что могло бы оказать пагубное вліяніе на дальнѣйшую судьбу моего отечества; но я не имѣлъ никакого яснаго представленія, никакого опредѣленнаго плана относительно тѣхъ услугъ, какія я могъ бы оказать Польшѣ на своемъ новомъ посту“.

Въ 1804 г. говоря о положеніи Россіи, Чарторыжскій пишетъ: „Русскіе всегда подозрѣвали во мнѣ желаніе склонить русскую политику къ тѣсной связи съ Наполеономъ; я былъ далекъ отъ этой мысли, ибо мнѣ было очевидно, что *всякое соглашеніе между обоими имперіями не могло не быть пагубнымъ для интересовъ Польши*“. И далѣе: „Моя система, въ основѣ которой лежалъ принципъ—

исправить всѣ причиненныя несправедливости, вела неизбѣжно къ *возстановленію Польши*. Но, чтобы не встрѣтить иныхъ препятствій, какія неминуемо должна была встрѣтить дипломатія столь несогласная съ общепринятыми взглядами, я избѣгалъ произносить имя Польши; мысль о ея возстановленіи была тѣсно связана съ самымъ духомъ моей работы и съ тѣмъ направленіемъ, какое я хотѣлъ придать русской политикѣ“.

„Мнѣ кажется, говоритъ авторъ изслѣдованія, что какіе-либо комментаріи излишни къ такому откровенію. Оно благородно съ точки зрѣнія человѣческой, патріотично для поляка и его родины, но цинично и даже преступно для руководителя русскихъ интересовъ. Если польскій князь считалъ, что „это была одна изъ фантазій Александра, которой онъ въ концѣ-концовъ подчинился“, то не лучше ли было бы, а главное, не честиѣ ли вовсе не принимать такой отвѣтственной должности“.

Въ сентябрѣ 1804 г. Александръ Павловичъ рѣшилъ тѣмъ или другимъ способомъ повліять на Англію, чтобы создать европейское посредничество, для обузданія замысловъ Наполеона. Съ этой цѣлью въ Англію былъ посланъ Новосильцовъ „для воздѣйствія на англійскихъ государственныхъ людей“; при чемъ ему даны были двѣ инструкціи, одна оффиціальная, другая секретная, скрѣпленная подписями Императора Александра и князя Адама.

Миссія Новосильцова, къ которой и князь Чарторыжскій и Новосильцевъ относились скептически, не увѣнчалась успѣхомъ.

„Кѣмъ была внушена эта мысль Императору Александру? Намъ не удалось, несмотря на всѣ поиски въ архивахъ, разъяснить этой догадки? Возможно, что Государю лично принадлежала инициатива такого хода, и это самое вѣроятное.“

„Мы отмѣчаемъ этотъ инцидентъ, какъ одно изъ первыхъ проявленій самостоятельныхъ рѣшеній у Александра въ дѣлахъ внѣшней политики“.

Въ началѣ 1805 г. Александръ заключилъ для дѣйствія противъ Франціи союзный договоръ съ Швеціей и Англіей, къ которому примкнула и Австрія.

„Недоставало одной Пруссіи, черезъ владѣнія которой должны были проникнуть части русскихъ войскъ, а согласія на это никакъ нельзя было добиться отъ нерѣшительнаго прусскаго короля“.

Въ сентябрѣ Императоръ Александръ направился на театръ военныхъ дѣйствій, заѣхавъ по пути въ Пулавы — имѣніе князя Чарторыжскаго. Вся Польша жила въ тѣ дни надеждою на то, что Государь посѣтитъ Варшаву и тамъ провозгласитъ себя королемъ польскимъ.

„Но незамѣтно для кого-либо, и даже для зоркихъ очей князя Чарторыжскаго, Императоръ Александръ послалъ изъ Бреста своего преданнаго генераль-адъютанта, князя П. П. Долгорукаго, съ секретнымъ порученіемъ къ королю Фридриху-Вильгельму, въ Берлинъ. И вдругъ, 4 октября, Его Величество объявилъ, что ѣдетъ прямо въ Козеницы, главную квартиру генерала Михельсона, даже не останавливаясь въ Варшавѣ, а оттуда прямо въ Берлинъ“.

„Что же случилось? — Да ничего особеннаго. Князь Долгорукій только успѣшно исполнилъ свое порученіе. Онъ прекратилъ колебанія прусскаго короля, подлилъ масла въ огонь, когда Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ, что его пріятели-французы нарушили нейтралитетъ и перешли черезъ его владѣнія въ Анспахъ... Коалиція обогатилась еще однимъ, если не союзникомъ, то явнымъ доброжелателемъ, и всѣ надежды и планы, какъ князя Адама, такъ и остальныхъ поляковъ рухнули“. „Тутъ Александръ вполне наглядно проявилъ свою собственную волю, и этотъ эпизодъ надобно считать началомъ его самостоятельнаго почина во внѣшней политикѣ“.

Послѣ блестящей встрѣчи, оказанной Императору въ Берлинѣ и извѣстной „умилительной“ сцены въ Потсдамѣ у гробницы Фридриха Великаго, была подписана конвенція о присоединеніи Пруссіи къ коалиціи, „при чемъ эта держава заручилась согласіемъ на присоединеніе къ ней Ганновера“.

Военныя дѣйствія закончились „полнѣйшимъ пораженіемъ русско-австрійскихъ силъ подъ Аустерлицемъ; Пруссія заключила договоръ съ Наполеономъ и получила въ даръ желанный Ганноверъ. „Это не помѣшало Александру Павловичу писать дружескія письма Фридриху-Вильгельму и оставить русскіе корпуса въ его полное распоряженіе. Вотъ до чего въ немъ глубоко засѣла привязанность къ Пруссіи и Гогенцоллернамъ. Но эта привязанность и это довѣріе пошли еще дальше въ слѣдующемъ 1806 году. Политическій горизонтъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, пасмурнымъ, и можно было ожидать разнородныхъ вспышекъ для новыхъ недоразумѣній. Въ эту минуту князь Чарторыжскій самымъ энергичнымъ образомъ убѣждалъ Государя бросить заигрываніе съ Пруссіей и войти въ какое-либо соглашеніе съ Франціей, но всѣ рѣшенія Императора шли въ разрѣзъ съ образомъ мыслей князя Адама“.

„Пристрастіе Александра къ прусскому королевскому дому поражаетъ потому, что у него не было кровнаго родства съ Гогенцоллернами, и то, что понятно и объяснимо для Николая Павловича, женатаго на прусской принцессѣ, а также и для Императора Александра II, непонятно въ Александрѣ Павловичѣ; намъ кажется, что это пристрастіе Александра было лишь результатомъ какого-то

рыцарскаго чувства его къ королевѣ Луизѣ, иначе трудно найти другое болѣе подходящее объясненіе“.

„Событія шли быстро. Пруссія, только успѣвъ заключить союзный договоръ съ Франціей, уже разочаровалась въ новой союзницѣ, потому что въ Парижѣ и слышать не хотѣли о созданіи Сѣверо-Германскаго союза, придуманнаго Гаугвицемъ, и намѣревались снова передать злополучный Ганноверъ Англіи.

„Картина была жалкая и смѣшная, но единственная въ своемъ родѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ заключилъ одновременно два союза: одинъ съ Франціей, другой съ Россіей, и такого рода фокусъ считался выгоднымъ, такъ какъ въ Парижѣ и въ Петербургѣ тогда еще не знали этого коварства, а король могъ во всякое время рассчитывать на поддержку той или другой изъ враждующихъ сторонъ. На дѣлѣ вышло, однако, все крайне прискорбно для Пруссіи и ея короля“, который, объявивъ войну Франціи, въ исходѣ сентября, потерпѣлъ уже въ октябрѣ рѣшительное пораженіе подъ Іеной и Ауерштетомъ.

Тогда „Императоръ Александръ, принимая къ сердцу несчастіе прусскаго короля и королевы Луизы, и вообще погромъ Пруссіи, рѣшилъ самъ отправиться въ апрѣлѣ 1807 г. въ дѣйствующую армію, силы которой доходили до 150.000 штыковъ, отъ прусскихъ же войскъ оставалось лишь 14.000 человекъ. Опять въ Мемелѣ Императоръ нашелъ пріютившуюся тамъ на клочкѣ своихъ оставшихся владѣній королевскую чету. Чтобы умиловить русскаго Государя, Фридрихъ-Вильгельмъ замѣнилъ Гаугвица Гарденбергомъ, считавшимся другомъ Россіи и угоднымъ видамъ нашего правительства. Это мнѣніе было тоже ни на чемъ не основано, такъ какъ, тотчасъ же по открытіи военныхъ дѣйствій, въ главной квартирѣ у Бартенштейна, Гарденбергъ состряпалъ невѣроятную конвенцію, утвержденную Россією 14 апрѣля 1807 года, гдѣ всѣ выгоды были исключительно рассчитаны для Пруссіи. И такого рода соглашеніе было одобрено русскимъ Императоромъ, съ явнымъ ущербомъ для интересовъ Россіи, тогда какъ ни Австрія, ни Англія и слышать не хотѣли о предложенныхъ Гарденбергомъ условіяхъ. Но судьба и тутъ выручила Россію: послѣ Фридрихсбургскаго сраженія послѣдовало Тильзитское свиданіе, которое все перевернуло.

Подводя итогъ первымъ годамъ царствованія Александра Павловича, августѣйшій авторъ изслѣдованія говоритъ:

„При окончательномъ заключеніи объ эпохѣ 1801—1807 годовъ, надо сознаться, что она была самой неопредѣленной изъ всего царствованія, почему мы и назвали ее „эпохой колебаній“. Началось съ проблесковъ какого-то возрожденія, кончилось погромомъ рус-

скаго оружія. Показались новыя силы въ лицѣ юныхъ и неопытныхъ новаторовъ, были привлечены нѣкоторые почтенные дѣятели вѣка Екатерины, но сдѣлано было такъ мало, что какъ будто работа и не начиналась. Въ мирѣ военномъ не сумѣли оцѣнить Кутузова и Багратиона, а привлекали или бездарности, или неопытныхъ генераловъ и еще менѣе способныхъ главнокомандующихъ, какъ графа М. Ѳ. Каменскаго, Михельсона, Буксдевгена и даже самого Беннигсена, слава котораго была создана нѣмцами.

„Предстояла нелегкая работа организовать армію, привлечь способныхъ генераловъ и офицеровъ, привести въ порядокъ часть интендантскую, обозы и всякаго рода запасы. Къ этой работѣ вскорѣ и было приступлено. Остается добавить, что, не будь уроковъ подъ Аустерлицомъ и Фридландомъ, не было бы ни Бородина, ни Лейпцига“.

II.

Союзъ съ Наполеономъ 1807—1812 г.

2/14 іюля 1807 г. состоялся разгромъ союзныхъ войскъ подъ Фридландомъ, недѣлю спустя было подписано перемиріе съ Франціей, а 13/25 іюня князьями Лобановымъ-Ростовскимъ и Куракинымъ съ одной стороны и Талейраномъ съ другой былъ подписанъ мирный и союзный договоръ съ Наполеономъ.

„Обращаемъ вниманіе на лицъ, избранныхъ Императоромъ Александромъ для такого акта. То были два вельможи, оба вѣка Екатерины, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, другъ Императрицы - матери, и князь Дмитрій Лобановъ - Ростовскій. Выборъ былъ не случайный: нашъ Государь хотѣлъ показать Наполеону, что въ этотъ разъ онъ не намѣренъ ему представлять какихъ-либо молокососовъ, въ родѣ князя Петра Долгорукаго или Убри, а что для переговоровъ избраны имъ уже вполне созрѣвшіе мужи, носящіе древнія фамиліи на Руси. Еще знаменательнѣе было то, что министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, Государь вовсе не допустилъ до переговоровъ.

„Такого рода ходы были свойственны Александру, поражали современниковъ, но показывали наглядно, насколько Императоръ обладалъ даромъ наблюденія и умѣлъ, когда обстоятельства того требовали, настоять на своемъ, несмотря ни на какія постороннія вліянія“.

13/25 іюня произошла знаменательная встрѣча императоровъ въ Тильзитѣ.

„Что происходило въ душѣ Александра Павловича въ моментъ этой встрѣчи, опредѣлить почти невозможно, тѣмъ болѣе, что Государь ни съ кѣмъ не бывалъ откровененъ. Но сохранилось нѣсколько словъ, написанныхъ имъ 17 іюня 1807 г. изъ Тильзита къ любимой сестрѣ, Екатеринѣ Павловнѣ, съ которой онъ не стѣснялся и которой часто писалъ то, что думалъ. Эти слова гласятъ: „Богъ помиловалъ насъ: вмѣсто жертвъ, мы выходимъ изъ борьбы съ нѣкоторой славой. Но что вы скажете обо всѣхъ этихъ событіяхъ?! Я—провожу цѣлые дни съ Бонапартомъ, я—остаюсь съ нимъ цѣлыми часами съ глаза на глазъ! Не походить ли все это на сонъ! Теперь первый часъ ночи, а онъ только-что ушелъ отъ меня. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы незримо были свидѣтельницей всего происходящаго“.

„Шесть словъ говорили больше, чѣмъ что-либо другое, написанное перомъ въ ту годину. Вотъ эти слова: „Moi, passer mes journées avec Bonaparte“ ¹⁾).

„Если вдуматься въ ихъ значеніе, то поймешь многое. Да, потому Петра и Екатерины пришлось вести бесѣды съ сыномъ революціи, съ маленькимъ корсиканцемъ, и слѣдовать внимательно его рѣчи, отгадывать его помысленія и даже стараться съ нимъ сблизиться.

„Никогда Александръ Павловичъ, во всю свою жизнь, не могъ переварить этого свиданія, чувства его достоинства были черезчуръ уязвлены, и самолюбіе Державнаго повелителя Россіи приходилось приносить въ жертву обстоятельствамъ“.

Условія союзнаго договора, заключеннаго въ Тильзитѣ, извѣстны; Пруссіи возвращались Померанія, Бранденбургъ, старая Пруссія, верхняя и нижняя Силезія; весьма любопытно отмѣтить „характерную фразу, подчеркнутую самимъ Наполеономъ относительно прусскихъ владѣній: „Изъ уваженія къ Его Величеству Императору всея Россіи“; а то бы Пруссія исчезла съ лица земли и была раздѣлена“.

„Этого обстоятельства и теперь еще не любятъ вспоминать въ Берлинѣ“.

„Въ Россіи новый союзъ не былъ популяренъ; особенно ворчала Москва. Наядки эти не прекращались до самаго разрыва, но Александръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на недовольство сановниковъ и общественнаго мнѣнія. Онъ продолжалъ твердо идти по пути, имъ избранному, и заставилъ покориться не только одно столичное общество, но и ближайшихъ родственниковъ въ царской семьѣ“.

¹⁾ Я—провожу цѣлые дни съ Бонапартомъ.

Послѣ Эрфуртскаго свиданія, за періодъ союза съ Наполеономъ, Александръ Павловичъ вновь обнаружилъ стремленіе вернуться на путь преобразованій, въ дѣлахъ внутреннихъ вновь закипѣла работа, и такая, которая оставила крупныя слѣды на долгія времена. Самымъ близкимъ лицомъ къ Государю былъ въ то время М. М. Сперанскій, сопровождавшій Императора въ Эрфуртъ на второе свиданіе съ Наполеономъ, съ которымъ ему посчастливилось не только видѣться, но даже бесѣдовать.

„Какъ это ни странно, говоритъ авторъ изслѣдованія, но Наполеонъ въ Эрфуртѣ оказалъ большее вліяніе на Сперанскаго, чѣмъ на Александра, и послѣдствія такого впечатлѣнія обнаружились очень скоро“, когда на Михаила Михайловича было возложено веденіе дѣлъ по составленію законовъ и когда вслѣдъ затѣмъ явилась мысль приступить къ плану всеобщаго государственнаго образованія, т. е. къ коренной ломкѣ всего существующаго строя.

„Основаніемъ всего проекта послужили Кодексъ Наполеона и отчасти французская конституція 1799 г. Вотъ въ чемъ наглядно обнаружилось вліяніе Наполеона на Сперанскаго, а также и на Александра, но въ меньшей степени.

„Работа была закончена во всѣхъ подробностяхъ къ ноябрю 1809 года, т. е. какъ разъ ко времени охлажденія отношеній между союзниками.

„Государь рѣшилъ отложить выработанныя реформы до болѣе удобнаго времени, но послѣ борьбы съ Наполеономъ въ русскомъ Императорѣ произошла полная перемѣна возрѣній, и вся работа Сперанскаго была не только положена подъ сукно, но и забыта“.

Сблизившись съ Наполеономъ, Государь оказывалъ особое вниманіе французскому послу Коленкуру: „застольныя бесѣды съ посломъ затягивались и послѣобѣда, какъ въ былое время съ друзьями молодости. Посолъ былъ польщенъ до-нельзя, благодаренъ, вѣрилъ въ искренность сердечныхъ изліяній и доносилъ Наполеону о непоколебимой дружбѣ сего обворожительнаго союзника“. Но эти отношенія были не такъ искренни, какъ они казались Коленкуру.

Когда, въ январѣ 1809 г., въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Австріи „князь Шварценбергъ, чтобы приготовить русскаго Государя къ возможности возобновленія военныхъ дѣйствій между Вѣной и Парижемъ, Александръ отнесся съ порицаніемъ къ воинственному пылу австрійцевъ, но все-таки далъ понять посланному, что едва-ли Россія втянется въ новую войну. Князь Шварценбергъ пснжалъ, что Александръ и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы активно помочь своему союзнику, а одновременно Государь передавалъ чуть ли не въ тотъ же день свои разговоры съ австрійцемъ Коленкуру. Конечно,

à sa façon, и французскій посолъ сообщилъ Наполеону, что русскія войска къ его услугамъ во всякую минуту.

„Когда Австрія объявила войну Наполеону, и австрійскія войска начали наступленіе съ трехъ сторонъ, а именно въ Баварію, Италію и герцогство Варшавское, Коленкуръ настойчиво требоваль отъ графа Румянцева исполненія обѣщанной поддержки со стороны Россіи.

„Государь, въ свою очередь, завѣряль посла, что русскія войска уже на границѣ Галиціи, вполне готовы къ выступленію“. Семьдесятъ тысячъ войска дѣйствительно были тамъ сосредоточены, но они стояли на мѣстѣ и не двигались впередъ.

„24 іюня (6 іюля) 1809 г. война закончилась Ваграмскимъ сраженіемъ, вторично напомнившимъ Австріи Аустерлицкую катастрофу. Только послѣ Ваграма русскія войска заняли безъ выстрѣла Краковъ, и эта война не стоила Россіи ни одной капли крови. Вотъ когда Коленкуръ догадался, что его обошли въ Петербургѣ, но было уже поздно, и посолъ заслужилъ изрядную головомойку отъ Наполеона, и по-дѣломъ. Тогда и у Наполеона прояснились глаза на Тильзитскаго и Эрфуртскаго союзника. Можно сказать, что эта дружба послѣ австрійской кампаніи 1809 года миновала окончательно, и началась другая эра: взаимнаго недоувѣрія и приготовленія къ борьбѣ. Союзъ оставался еще только на бумагѣ. „Представители Александра отсутствовали во время мирныхъ переговоровъ Франціи и Австріи въ мѣстечкѣ Альтенбургѣ; Александръ подчеркнуль этимъ свой дружескій нейтралитетъ, а Наполеонъ передалъ Галицію, наперекоръ желанію своего союзника, герцогству Варшавскому; этимъ было подчеркнуто благоволеніе императора французовъ къ Польшѣ, что очень оцѣнено поляками“.

„Но Наполеонъ не желаль еще ссориться съ союзникомъ и всячески хотѣль загладить невыгодное впечатлѣніе Шёнбрунскаго договора. Коленкуръ передалъ Императору желаніе своего повелителя даже вычеркнуть наименованіе Польши изъ официальной переписки, и что, молъ, передача части Галиціи герцогству Варшавскому вовсе не обозначала мысли о возстановленіи Польши. Такія завѣренія мало дѣйствовали на Александра, и онъ отлично сознавалъ и понималъ ловкую игру Наполеона“.

Вскорѣ явился новый поводъ къ неудовольствію, вызванный неудачнымъ сватовствомъ Наполеона къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Извѣстно, какъ отнеслись къ этому сватовству Александръ и вдовствующая Императрица, какъ былъ обиженъ отказомъ Наполеонъ, а съ другой стороны какъ были смущены и обижены въ Петербургѣ тѣмъ, что Наполеонъ, еще до полученія отказа, обѣ-

явиль всенародно о своемъ предстоящемъ бракѣ съ австрійской эрцгерцогиней.

„Затѣмъ, въ теченіе десятаго и одиннадцатаго годовъ, между Франціей и Россіей начинается рядъ недоразумѣній, которыя такъ и не прекращаются до самаго разрыва. Поводовъ къ разладу было много, но главный споръ былъ о герцогствѣ Ольденбургскомъ и относительно свободы русскихъ портовъ для торговли съ Англіей“.

Во время переговоровъ, которые велись для разрѣшенія этихъ спорныхъ вопросовъ, обнаружилась своеобразная черта, присущая Александру: одновременно съ оффиціальными переговорами, онъ никогда не стѣснялся вести переговоры черезъ постороннихъ лицъ, помимо своего оффиціального представителя: такъ было при заключеніи союза съ Наполеономъ, такъ было и теперь, когда „для личныхъ переговоровъ съ Наполеономъ дважды былъ командированъ въ Парижъ флигель-адъютантъ Чернышевъ, посылавшій свои донесенія прямо Императору помимо посла кн. Куракина“.

Одновременно, „совѣтникъ русскаго посольства въ Парижѣ Несельроде писалъ, помимо князя Куракина, государственному секретарю, Сперанскому. Р. А. Кошелевъ находился въ непосредственной перепискѣ съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Штакельбергомъ, и австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Сень-Жюльеномъ, опять таки помимо канцлера, и все докладывалось Кошелевымъ непосредственно Императору. Способъ особый, но онъ присущъ Императору Александру“.

„Добавимъ, что не только посоль ничего не зналъ о перепискѣ между подчиненнымъ и Сперанскимъ, но и самъ канцлеръ, графъ Румянцевъ, тоже ничего не вѣдалъ объ этомъ фактѣ“. И ему сообщалось лишь то, что считалось маловажнымъ или когда нельзя было обойтись безъ его вмѣшательства.

Таковъ былъ своеобразный методъ, усвоенный Александромъ при веденіи дѣлъ внѣшней политики. Иностранные дипломаты, которымъ приходилось лично совѣщаться съ Императоромъ, отдавали должное его дипломатическимъ способностямъ, ставя Государя выше его сотрудниковъ, какъ Румянцева, такъ и Кошелева.

Въ тревожные годы, предшествовавшіе войнѣ съ Наполеономъ, одинъ вопросъ особенно озабочивалъ Александра Павловича: вопросъ о Польшѣ и ея отношеніи къ Россіи. Онъ хотѣлъ какими-либо путями привлечь поляковъ на сторону Россіи. По этому поводу Государь обмѣнялся нѣсколькими письмами съ княземъ Ад. Чарторыжскимъ.

31 января 1811 г. Государь прямо возбудилъ вопросъ о положеніи, которое приметъ Польша въ случаѣ конфликта.

Исчисляя въ своемъ письмѣ русскія военныя силы, ихъ расположеніе, назначеніе, Государь ставитъ вопросъ о возможномъ присоединеніи королевства Польскаго къ Россіи, съ принятіемъ русскимъ Императоромъ титула короля польскаго.

На этотъ категорически поставленный вопросъ князь Чарторыжскій отвѣчалъ 28 февраля пространнымъ письмомъ.

Говоря о настроеніи польскаго общества, Чарторыжскій не скрылъ отъ Государя, что мнѣніе большинства было неблагопріятно Россіи и планамъ Императора, что хотя „возстановленіе Польши въ прежнихъ границахъ всегда было единодушнымъ желаніемъ поляковъ, но въ данный моментъ поляки и въ особенности войско не могутъ внезапно проникнуться мыслию, „что желаніе это можетъ осуществиться, что эта цѣль можетъ быть достигнута, если они отдалятся отъ Франціи и присоединятся къ Россіи“.

„Вѣра въ геній Наполеона и въ его счастье не могутъ быть поколеблены“, писалъ онъ. „Никто не допускаетъ мысли, чтобы онъ могъ быть побѣжденъ, и чтобы союзники не повторили сдѣланныхъ имъ ошибокъ. Довѣріе къ намѣреніямъ Россіи не можетъ возродиться немедленно; поляки только мало-по-малу могутъ освоиться съ мыслию, что Россія можетъ когда-либо желать добра Польшѣ и искренно думать о ея возрожденіи. Отдавая должное личнымъ качествамъ В. В., поляки полагаютъ, что надобно дѣлать различіе между его личностью и политикой его кабинета и духомъ, царствующимъ въ его арміи; ее считаютъ особенно враждебной полякамъ; такъ что мысль о вступленіи русскихъ войскъ въ край отождествляется многими съ мыслию о разореніи и унижительномъ игѣ. Къ сожалѣнію, прошлыя событія и въ особенности рѣчи русскихъ военныхъ во время послѣдняго похода поддерживаютъ этотъ взглядъ“.

Только рѣшительное пораженіе Наполеона или его кончина могли бы, по мнѣнію князя Адама, кореннымъ образомъ измѣнить взглядъ польскаго общества. „Такъ какъ всѣ надежды поляковъ зиждутся на обаяніи личности Наполеона и его побѣдъ, то лишь съ его исчезновеніемъ они могли бы обсудить положеніе страны здраво и спокойно, не создавая себѣ никакихъ иллюзій“.

Заканчивая это высоко интересное письмо, всякое слово котораго было строго обдуманно и взвѣшено, и въ которомъ вполне откровенно было выражено отношеніе польскаго общества къ Россіи, его симпатіи къ Наполеону и вѣра въ непобѣдимость его оружія, князь Чарторыжскій, чувствуя, что его положеніе, въ случаѣ войны съ Наполеономъ, станетъ неловкимъ, умолялъ Государя уволить его въ отпускъ, за границу и даже окончательно уволить его отъ службы.

„Такое рѣшеніе было умно, говоритъ авторъ изслѣдованія, и показывало крайнюю осторожность бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Россіи. Ему выгодно было занять нейтральное положеніе въ средѣ поляковъ, ни во что не вмѣшиваться и спокойно смотрѣть на возгоравшуюся борьбу. Если сила окажется на сторонѣ Наполеона, то окончить разъ навсегда всѣ счеты съ Россіей при содѣйствіи и покровительствѣ Франціи; если побѣда склонится подъ русскія знамена, то смягчить заслуженный гнѣвъ земли Русской и ея повелителя и найти *modus vivendi* съ могучей Россіей“.

В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

